

Александр Иванович Куприн

Розовая жемчужина

Александр Куприн
Розовая жемчужина

«Public Domain»

1925

Куприн А. И.

Розовая жемчужина / А. И. Куприн — «Public Domain», 1925

«В 1882 году император Александр III посетил со всей своей семьей Москву и навещал с ней поочередно разные учебные заведения. Понятно, ждали его приезда и мы, питомцы лицея имени Цесаревича Николая...»

© Куприн А. И., 1925

© Public Domain, 1925

Александр Иванович Куприн

Розовая жемчужина

Записано по устному рассказу сенатора N

В 1882 году император Александр III посетил со всей своей семьёю Москву и навещал с ней поочередно разные учебные заведения. Понятно, ждали его приезда и мы, питомцы лицея имени Цесаревича Николая.

Большой и страшный рубеж отделяет тогдашнее время от нынешнего. Теперешнее поколение и вообразить себе не может тех мыслей и чувств, которые, в ожидании царя, волновали всех нас, в том числе и меня, лицеиста старшего специального класса, а особенно в тот день, когда получилось известие, что к десяти часам государь непременно пожалует в лицей.

Вымылись мы, вычистились и выщеголились, как девицы на первый бал. Всё обдергивали и оглядывали друг дружку. Глядь – пушинка на рукаве – какой ужас! Скорее снять ее, бросить на пол, притоптать ногами. Хорошо, что досмотрели. Ну, а если бы царь заметил? Конечно, ничего бы, по доброте, не сказал, но как огорчительно: катковские меценаты, цвет московской молодежи, и вдруг представляются своему обожаемому монарху... все в пуху и перьях. О, позорище!

Репетировали в последний раз, наскоро, придворный поклон, которому нас еще с младших классов обучал с усердием танцор Императорского московского балета Петр Алексеевич Ермолов. Раз, и два, а третья позиция – спина полусогнута, голова опущена, руки, с приятной округленностью в локтях, свободно свисают вниз... и четыре – не спеша, с достоинством выпрямиться.

Государь приехал во время уроков, обошел все классы, начиная с младших, осиял всех лицеистов величественным взглядом, и оказалось потом, что никто в его присутствии не испытывал страха, а только восторг, крылатый полет души и сладкие мурашки по телу.

Когда же обход кончился, государь выразил желание посмотреть одну из тех комнат, которые у нас полагались на каждого лицеиста старшего класса. Тут между нашим начальствующим персоналом и нами, старшими, произошло некоторое смятение. Побежал взаимный электрический ток: в чью комнату вести государя? Чья лучше? Кто не подведет? И как-то сразу, почти без слова, остановились на Малюхине. Он педант, он чистёхонька. Кто же, как не Малюхин? У него шикарный письменный прибор и портреты. Конечно, Малюхин.

И вот уже слышится впереди знакомый спокойный голос директора:

– Комната лицеиста Малюхина, ваше императорское величество.

Звучный мужественный баритон государя переспрашивал с оттенком какого-то особенного внимания, почти любопытства.

– Как фамилия?

– Ма-лю-хин, ваше императорское величество.

– А! Пусть же Малюхин нас и принимает как хозяин.

Малюхина быстро выдвигают вперед. Он был юноша умный, серьезный, честлюбивый, с большим запасом находчивости и самообладания. Не спуская глаз с государя, он за своей спиной нажимает ручку, широко распахивает дверь, сам ловко делает шаг назад и шаг в сторону и пропускает вперед государя, склоняясь в таком безукоризненном поклоне, что Петр Алексеевич, если бы видел, заплакал бы от учительского умиления, и произносит очень отчетливо, ясным молодым голосом, лишь слегка дрожащим от счастливого волнения:

– Милости прошу, ваше императорское величество.

Величаво вошел государь, рядом с ним совсем маленькая прелестная государыня, за ними наследник с братьями – Георгием и Михаилом, с сестрами – Ксенией и Ольгой, следом – дворцовый комендант генерал Гессе, наш директор и высшее начальство лицея.

Государь не спеша обвел взором комнату. В ней все блестело свежестью, чистотой и белизной. От больших деревьев нашего сада легкий зеленоватый оттенок лежал на стенах и на полу. Домашняя старинная икона в правом углу, за нее засунуты вербочки. На столе, в ясеневых рамках, – портреты императора и императрицы, между ними – скромный букетик фиалок, с боков – фотографии отца и матери. А к стене прибит кнопками квадрат бристольского картона с жирной каллиграфической надписью:

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

МАЛЮХИН

второго старшего

Государь улыбается, должно быть, от удовольствия. Улыбается и государыня своей пленительной улыбкой.

Но за спиной у царской четы происходит что-то странное и совсем неожиданное. На высочайших детей налетел внезапно приступ неудержимой веселости. Один наследник старался изо всех сил сохранить серьезность: прочие суетятся, наклоняются друг к другу, переглядываются, кивают головами, шепчутся. Слышны только отрывочные, заглушаемые восклицания:

– Мама, Малюхин!.. Папа, Малюхин!.. Миша, Малюхин!.. Оля, гляди, Малюхин! Государь поворачивается, для того, по-видимому, чтобы лучше рассмотреть библиотечный шкафчик, а над ним, на стене, фехтовальные принадлежности: пару скрещенных рапир, проволочную маску и толстые замшевые перчатки, – и посылает укоризненный взгляд развозившимся детям. Но понапрасну он сдвигает строго свои прекрасные соколиные обсоюженные брови: у него самого искрится смех в золотых глазах. Преувеличенно деловым тоном он спрашивает у лицеиста:

– Вы не из Таврического края родом?

– Из дворян Смоленской губернии, ваше императорское величество.

– Хорошая губерния и славное дворянство, – уверенно говорит царь. – И ваша келья мне очень нравится. Кто я таком порядке держит свою комнату, у того и мысли в голове идут правильно.

Малюхин вновь отвешивает поклон, еще придворнее первого, но лицо его бледно и тревожно. А там, за могучей спиной повелителя шестой части земного шара, ни на секунду не прекращаются сдержанный смех в ладони, возня и быстрый шепот. Государь хмурится, но боится оглянуться назад, чтобы самому не прыснуть смехом.

– Сам Малюхин, живой Малюхин!.. Настоящий Малюхин... Оля, твой Малюхин!

– А-о, скажите... Малюхин, – говорит царь с такой углубленной серьезностью, как будто совещается с лицеистом по важному государственному делу, – скажите, вам не приходилось бывать когда-нибудь в Крыму?

– В прошлом году. Всего неделю. В Ялте, – отвечает уныло Малюхин.

Государь быстро оборачивается.

– Дети! Ольга! – говорит он вполголоса почти грозно, но плечи и грудь у него трясутся и в густой золотой бороде прячется еле подавляемая улыбка. Тогда он говорит решительно и торопливо, чтобы сразу оборвать неловкость положения: – Благодарю вас, Малюхин. Уверен, что из вас выйдет умный и честный слуга родине. А я о вас не забуду. – Он протягивает Малюхину руку и сам жмет руку лицеиста, позабыв на этот раз, от некоторого смущения, соразмерить свою необычайную силу. (Потом Малюхин признавался: «Должно быть, мой святой заступник Николай Угодник помог мне не закричать от боли. Вот так рука!»)

– До свидания, Малюхин, – прибавляет государь, слегка кивает головой и уходит.

На этот раз Малюхин сникает в поклоне, как пустой костюм на веревочке. Как вороны, накидывается начальство на Малюхина и долбит расспросами: бедный юноша ничего не понимает.

По отъезде государя, минут через десять, лицеистам старших классов было приказано собраться в директорском кабинете. Немного времени спустя туда прибыл генерал Гессе. Он подтвердил еще раз, что государь император остался очень доволен лицеем и лицеистами и приказал освободить их от занятий на три дня.

– Но кроме того, – добавил генерал, – государю угодно было поручить мне передать вам несколько его особых слов, из которых вы сейчас увидите, господа лицеисты, что среди государственных трудов и забот его величество никогда не оставляет отеческим тонким и глубоким вниманием свою верноподданную молодежь. Здесь ли лицеист Малюхин?

Малюхин вышел вперед как приговоренный к смерти.

– Здесь, ваше превосходительство.

– Не волнуйтесь, молодой человек, ничего неприятного для вас не предвидится. Скажите, пожалуйста, в бытность вашу в Ялте не случилось ли вам... ну, так, в шутку, от нечего делать... начертать вашу фамилию на одной из скал красной масляной краской?

Малюхин попунцовел.

– Виноват, ваше превосходительство. Действительно, сделал глупость, написал суриком фамилию.

– Беды здесь нет никакой, – успокоил его Гессе. – Но эта надпись почему-то примелькалась государю и всей государевой семье. Его величество иногда вечером прогуливался с детьми до шоссе, которое идет от Ливадии до Ореанды, и для детей это всегда был большой праздник. Чтобы продлить любимую прогулку, они часто упрашивали государя: «Папа, дойдем хоть до Малюхина!» Одним словом, так ваша фамилия, господин Малюхин, стала привычна в высочайшей семье, что, когда играли в крокет, то тот, кому приходилось отгонять чужой шар, так и говорил обыкновенно: «Теперь я тебя пошлю прогуляться к Малюхину». Видите, как просто и мило объяснилось сегодняшнее веселое настроение великих князей и княжон? Государю же угодно было сказать: пусть лицеисты не остаются в неприятном недоумении, а славный лицеист Малюхин пусть на моих детей не сердится. И государь еще изволил засмеяться и прибавить: «Я им задам!» Ну что, Малюхин, надеюсь, вы теперь не очень сердитесь?

– Наоборот, ваше превосходительство! – воскликнул от всей облегченной души Малюхин.

Через месяц директор лицея передал Малюхину подарок императрицы – платиновую булавку для галстука с розовой жемчужиной и маленьким бриллиантом.